

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-7-16
EDN: ZEAQLU

Научная статья

Обратный перевод как инструмент достижения эквивалентности художественных текстов в условиях лезгинско-русского билингвизма

Т.Б. Баранникова¹✉, Ф.Н. Сулейманова²

¹ Дагестанский государственный педагогический университет,
Российская Федерация, 367003, Махачкала, ул. М. Ярагского, 57

¹ Дагестанский государственный университет,
Российская Федерация, 367000, Махачкала, ул. М. Гаджиева, 43-а

² Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН,
Российская Федерация, 367000, Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45

✉ tatyanabarannikova@mail.ru

Аннотация. Актуальность предлагаемого исследования обусловлена тем, что до настоящего времени в теории перевода не сложилось общепринятой классификации, определяющей успешность межязыкового перекодирования художественного текста и уровень его соответствия исходному. В современных отечественных исследованиях по данной проблеме внимание чаще уделяется экспериментальным методикам, однако они недостаточно разработаны. В статье описан эксперимент, основанный на использовании обратного перевода при вторичном художественном текстообразовании в условиях лезгинско-русского билингвизма. Анализ перевода как процесса и как результата может выступать в качестве инструмента повышения качества перевода и профессиональной подготовки переводчиков, что особенно важно для сохранения языков и культур коренных малочисленных народов России. Результаты исследования могут использоваться в частном и общем переводоведении, а также в переводческом направлении в дагестанском языкознании. Материалы исследования: переводы стихотворений лезгинского поэта Ибрагима Гусейнова на русский язык, выполненные профессиональным переводчиком Л. Милем, варианты обратного перевода на исходный язык сделанные студентами и преподавателями отделения лезгинского языка и литературы факультета дагестанской филологии Дагестанского государственного педагогического университета, а также более широкого круга лиц, интересующихся лезгинской поэзией. Использовались методы сопоставительного и семантико-стилистического анализа, лингвистического интервьюирования, переводческого эксперимента.

Ключевые слова: обратный перевод, художественный текст, билингвизм, переводческий эксперимент, лезгинский язык, русский язык

© Баранникова Т.Б., Сулейманова Ф.Н., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 18.11.2022; принята к печати 04.01.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Баранникова Т.Б., Сулейманова Ф.Н. Обратный перевод как инструмент достижения эквивалентности художественных текстов в условиях лезгинско-русского билингвизма // *Полилингвильность и транскультурные практики*. 2023. Т. 20. № 1. С. 7–16. DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-7-16

Research Article

Back Translation as a Tool for Achieving Equivalence of Literary Texts in the Conditions of the Lezgin-Russian Bilingualism

Tatyana B. Barannikova¹✉, Fatimat N. Suleimanova²

¹ Dagestan State Pedagogical University,
57, st. M. Yaragsky, Makhachkala, 367003, Russian Federation

¹ Dagestan State University,
43-a, st. M. Hajiyeva, Makhachkala, 367000, Russian Federation

² Institute of Language, Literature and Art of G. Tsadasy of the Dagestan Federal Research Center
of the Russian Academy of Sciences,
45, st. M. Hajiyeva, Makhachkala, 367000, Russian Federation
✉ tatanabarannikova@mail.ru

Abstract. The topicality of the given article is due to the fact that up to the present there has not been a generally accepted classification in the theory of translation that determines the successfulness of the interlingual recoding of the literary text and the level of its correspondence to the original. In modern domestic research, in achieving the equivalence of the original and translating literary texts, more and more attention is paid to experimental methods, but they have not so far received sufficient development. Our article, carried out within the framework of the problem raised, describes an experiment based on the use of back translation in secondary literary text formation in the conditions of Lezgin-Russian bilingualism. The relevance of such a study is also determined by the fact that the organization and staging of translation experiments in order to analyze translation as a process and as a result can act as a tool to improve the quality of translation and professional training of translators, which is especially important for the preservation of the languages and cultures of indigenous minorities of the Russian Federation. The results of the proposed work may be of interest to researchers in the fields of both particular and general translation studies in their various aspects, as well as be used in the development of the translation direction of research in the Dagestani linguistics. The materials of the study are poems by the Lezgin poet Ibraghim Huseynov, their translations into Russian by a professional translator L. Mil and variants of back translation into the original language performed by students and teachers of the Department of the Lezgin Language and Literature of the Faculty of Dagestani Philology of the Dagestan State Pedagogical University, as well as a wider range of people interested in the Lezgin poetry. The work uses a set of methods: methods of comparative analysis, linguistic interviewing, translation experiment.

Key words: back translation, literary text, bilingualism, translation experiment, Lezgin language, Russian language

Article history: received 18.11.2022; accepted 04.01.2023

Conflict of interests: none

For citation: Barannikova, T.B., and F.N. Suleymanova. 2022. “Back Translation as a Tool for Achieving Equivalence of Literary Texts in the Conditions of the Lezgin-Russian Bilingualism”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20(1):7–16. DOI:10.22363/2618-897X-2023-20-1-7-16

Введение

В отечественном переводоведении сегодня остро стоит проблема создания «практико-ориентированных частных теорий перевода, усвоивших мировой транслатологический опыт и учитывающих специфику сохранения в переводе этноцентрированного мышления» [1. С. 332]. В современной науке извлечение достоверных (и упорядочение уже имеющихся) знаний в принципе нельзя представить вне экспериментального метода [2], поэтому в области перевода все шире используются экспериментальные исследования. Это связано не только с общей антропоцентрической и когнитивной направленностью современной лингвистики, но и с тем, что указанная отрасль в последние два десятилетия активно стремится выйти из привычного русла [3].

Представление художественного перевода как вида речевой деятельности, включающего набор определенных этапов, создает предпосылки осмысления его экспериментальной сущности. Переводческую деятельность в контексте восприятия, интерпретации и «перевыражения» первичного художественного текста можно представить как умозрительный игровой эксперимент, задающий основу для речевого экспериментирования с языковыми средствами принимающего языка [2].

В зарубежном переводоведении степень разработанности темы переводческих экспериментов достаточно высока: в последние годы количество подобных исследований увеличилось (Tirkkonen-Condit, Jääskeläinen, Alvstad, Hild, Tiselius, *Empirical modelling of translation and interpreting...*, *Empirical translation studies...* и др.). Зарубежные ученые отмечают, что построение теории модели перевода на основе полученного эмпирического материала требует использования методов и методик исследования перевода и как процесса, и как результата. Проведение экспериментов с целью выявления и упорядочения закономерностей перевода становится актуальным и в современном российском переводоведении. Но в отечественной науке теоретико-методологическая база для проведения экспериментов в этой сфере, по мнению исследователей, еще только формируется:

с одной стороны, переводоведы проводят разнообразные эксперименты, методика и структура которых отвечают целям и задачам конкретных исследований, что позволяет накопить некоторый опыт в данной области, с другой — пока не выработаны унифицированные типология и методология экспериментов [4].

Несмотря на то, что в современных экспериментальных исследованиях перевода как правило, отсутствуют указания на общелингвистическую концепцию, лежащую в основе того или иного конкретного исследования [3], в работах отечественных специалистов по переводоведению всегда уделялось особое внимание языковой составляющей (В. Н. Комиссаров, Л.С. Бархударов, Р. Якобсон, Н.К. Гарбовский, В.А. Нуриев, Н.К. Рябцева, Л.Э. Найдич, А.В. Павлова и др.). Однако, когда речь идет о художественном переводе, наибольшую сложность на лексическом уровне представляет метафорическое использование лексем [5]. Интерес представляют и публикации последних пяти лет, вносящие, на наш взгляд, весомый вклад в разработку рассматриваемой проблемы. Так, в статье Т.А. Волковой приводится классификация переводческих экспериментов по таким основаниям, как цель, материал и методика проведения [4]. В частности, автор выделяет и описывает следующие виды экспериментов: процедурные (деятельностные), дидактические и психолингвистические (ассоциативные, рецептивные). В статье также дается краткий критический обзор подходов к эксперименту в современных исследованиях в области перевода, где «ближайшая перспектива развития данного направления» видится автором в создании «базы экспериментальных исследований перевода и выработке стандарта переводческого эксперимента, определении границ междисциплинарности и описании метаязыка экспериментального переводоведения, формулировке требований к процедуре, испытуемым, материалу и инструкции переводческого эксперимента, выявлении возможностей использования опосредованных и непосредственных методик, характера экспериментальной ситуации, независимых и зависимых переменных, метаданных» [4. С. 103]. А.А. Яковлев и М.И. Мельников отмечают, что в центре внимания большинства экспериментальных исследований находятся знания переводчика и специфика их использования в процессе перевода [3], т.е. наблюдается смещение внимания с самого процесса перевода и текста на переводчика и его речемыслительную деятельность. Такого же мнения придерживается и В.А. Нуриев, рассматривающий эксперимент как один из основных компонентов методологической базы при изучении художественного перевода на синтаксическом уровне: «В исследовании художественного перевода невозможно игнорировать метаязыковую рефлексивность переводчика. Для выявления существенных характеристик речевой деятельности по продуцированию художественного перевода не-

обходимо привлекать наблюдения и метаязыковые комментарии речевого субъекта» [2. С. 6].

Завершая краткий обзор литературы по поставленной проблеме, отметим: среди исследователей сложилось мнение, что «экспериментальное переводоведение» становится в российской традиции «самостоятельным направлением науки о переводе» [4. С. 103]. Современные труды в области перевода характеризуются разнообразием подходов к пониманию сущности переводческого эксперимента, выделению его видов, а также используемой методики проведения.

Считая, что языковой эксперимент в художественном переводе наиболее наглядно реализуется на лексическом уровне и в таком приеме, как обратный перевод, мы избрали его предметом изучения.

Обсуждение

Обратный перевод, как известно, представляет собой перевод с языка оригинала на другой, а затем снова на язык-источник с последующим сопоставлением с оригиналом. В учебниках по переводоведению он рассматривается в основном как перевод, осуществляемый в учебных целях, однако сфера его применения значительно шире. К примеру, в переводческих исследованиях сделан вывод о том, что тест на обратный перевод может быть показателем уровня эквивалентности оригиналу (Е.В. Овсянникова). Существуют также разработки по использованию обратного перевода применительно к лезгинскому языку в качестве способа инвентаризации стилистических синонимов и стилистической характеристики лексики (Т.Б. Баранникова и др.).

В настоящей статье обратный перевод выступает в качестве инструмента достижения эквивалентности художественных текстов в условиях двуязычия, а именно лезгинско-русского билингвизма. В соответствии с поставленными задачами были отобраны переводные русскоязычные варианты стихотворений лезгинского поэта И. Гусейнова (перевод Л. Миля), определены структура и состав участников эксперимента. Так, билингвам-профессионалам, в качестве которых выступали преподаватели и магистранты филологического факультета Дагестанского государственного педагогического университета, а также учителя лезгинского языка средних общеобразовательных школ Республики Дагестан (РД), являющиеся этническими лезгинами, владеющими русским и родным языками в одинаковой степени, было предложено перевести указанные тексты снова на язык оригинала. В целях чистоты эксперимента они не были ознакомлены с исходными произведениями. Успешность перевода участники эксперимента определяли в процессе обсуждения. Среди полученных результатов особого внимания заслуживает перевод учителя рус-

ского языка и литературы, лезгинского языка и литературы Киркинской СОШ им. Г.А. Аликберова З.А. Ахмедовой (Магарамкентский район, РД), работавшей над текстом Л. Миля «О сказка, оставайся сказкой!» (оригинал — И. Гусейнов «Хкет, хкет яз амукъа...», букв. «Сказка, оставайся сказкой...»). Приведем его полностью:

<i>Оригинал</i>	<i>Перевод</i>	<i>Обратный перевод</i>
Хкет, хкет яз амукъа:	О сказка, оставайся сказкой!	Эй мах, мах яз амукъа!
Уьмуьрдин пак цѝириниз	Когда росту подобна жизнь,	Цуьрц хьиз хьанвай уьмуьрдин
Жанлувал це — жув галукъа,	Своею теплотой и лаской	Хушуналди чан-рикна,
Экв чукурлиз вириниз.	Согрей ее, не поскупись!	Яхь гуйгьуьл, мискьѝ жемир.
Риваят, вахь риваятдин	Легенда, будь всегда легендой!	Кьѝса, гьамиша кьѝса хьухь!
Хьурай вири лишанар	Когда близка к закату жизнь,	Мукьув хьайила уьмуьрд эхир.
Кьзадикай адаватдин	С ее надеждою последней	Гьадакни са умуд кутур,
Кьутармишдай инсанар.	Своим бессмертьем поделись!	Вун хьиз тийидайди рекьин.
Нацѝуникай — писпи, кфил,	Рей, песня, и от колыбели	Куклукл, мани, хайи чъавалай
Чуьнгур хатрут тарцѝикай	Не покидай до гроба нас,	Рекьѝдалди тахьурай чун таз.
Расиз, рази ая несил	Из тростника творя свирели,	Ийиз кфил нацѝуникай,
Жува ва жув тебрикай ¹ .	Из дерева — чунгур и саз! ²	Кларасдикай — чуьнгурни саз.
	(перевод Л. Миля)	(перевод З. Ахмедовой)

При анализе получившегося перевода обнаруживаем почти абсолютное (за исключением поэтического *O!*, появившегося в результате переводческой импровизации Л. Миля) смысловое сходство с оригиналом первой строки вторичного текста, значения вторых и третьих-четвертых строк также тождественны. Во втором четверостишии первые две строки оригинала также совпадают с аналогичными строками русскоязычной версии: *Риваят, вахь риваятдин / Хьурай вири лишанар* (букв. *Легенда, у тебя легенды / Пусть будут все признаки*) равно *Легенда, будь всегда легендой!*, но расходятся по конечному смыслу: в исходном тексте автор обращается к *легенде*, чтобы та сохранила способность *спасать людей от несчастья вражды*, переводчик же просит ее поделиться с жизнью *бессмертием*. На наш взгляд, будет уместно привести словарное определение лезгинской лексемы «риваят»: предание; сказание; *легенда*; *клавивалдикай риваят* «легенда о любви» [6] и русской: легенда 1. *кьѝса* —

¹ *Ибрагим Гьусейнов* «Хкет, хкет яз амукъа...» / Твар. шиирар, драмадин поэма. Махачкала: Даг. кн. изд. 2006. С. 242.

² *Ибрагим Гусейнов* «Три моления» / Антология дагестанской поэзии. Поэты советского Дагестана / Сост.: Абуков К.И., Вагидов А.М., Хайбуллаев С.М. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1983. Т. IV. С. 208.

«рассказ, легенда»; 2. *гьаклан мах, члалахъ тежер гафар* [7] «бессмысленная сказка, пустословие / празднословие». Как видим, профессиональный переводчик предпочел не самое популярное значение данного слова, а в Русско-лезгинском словаре М.М. Гаджиева слово «риваят» при толковании лексической единицы «легенда» и вовсе не указано. Однако такая непоследовательность в выборе находит свое логическое объяснение, если мы обратимся к примерам употребления и перевода этой лексемы: *Муьгуьббатдикай риваят* (И. Гусейнов «**Легенда** о любви» // Дружба. 1981. № 1); *Риваятар рекьин тийир чи бубайрин суларал заманайри эцигнавай шуьткьуьн тийир цуьквер я...* (См. А. Саидов «Лезгийрин **риваят**» («Лезгинская легенда») // Дружба. Литературный альманах. 1958. № 4) можно перевести как: «**Легенды** — это бессмертные неувядающие цветы, возложенные на могилы наших предков (букв. „отцов“) эпохами» (перевод наш); «*Шарвилидикай риваятар*» (см.: А.М. Фатахов «Шарвили», 1991) «**Легенды** о Шарвили» и др.

В третьем четверостишии произведения слово «песня» не упоминается, но описывается изготовление музыкальных инструментов: букв. «Из камыша — свисток, дуду, / Чунгур из тутового дерева мастера, сделай согласным поколение, / И (ты) сам (приветствуй), и (тебя) самого пусть приветствуют». В следующих строках в переводе Л. Миля *Рей, песня, и от колыбели / Не покидай до гроба нас* основной смысл сводится к «сопровождению на протяжении всей жизни», первичный текст же повествует не только о непрерывности действия [8], но и о передаче определенного послания современникам.

Как видим, в первой строке З.А. Ахмедова вместо слова *хкет* использовала его синоним *мах*. Таким образом, двусторонний перевод, разумеется, отличается от оригинала лексическим составом, к примеру, конец второго четверостишия: букв. «В нее (в жизнь) тоже надежду всели, / Как ты, неумирающую (т. е. вечную, бессмертную)», но при этом любопытно смысловое совпадение следующих строк во всех трех текстах: *Нацлуникай — писни, кфил* равно *Из тростника творя свирели* (Л. Миль) и *Ийиз кфил нацлуникай* (З. А. Ахмедова) букв. «Делая свирель из тростника», хотя в оригинале речь идет не только о свирели, но еще и о свистке.

Успешность перевода определяется реакцией читателя на подлинник и вторичный текст (одинаковость впечатления от обоих текстов), причем это может быть достигнуто путем замены лексических единиц (лексические трансформации). Поэтому, на наш взгляд, несмотря на то, что здесь вторичный перевод являлся лишь инструментом и средством исследования и не претендовал на статус произведения искусства, в отличие от оригинала и большинства вариантов первичного перевода [5], автору обратного перевода З.А. Ахмедовой удалось создать своим текстом эстетическое

впечатление, наиболее сходное с эстетическим эффектом от подлинника. Об этом свидетельствует, к примеру, сопоставление дословной передачи строки обратного перевода, выполненного З.А. Ахмедовой: *Куклукл, мани, хайи члавай / Рекьидалди тахьурай чун таз* (букв. «Прильни, песня, с момента рождения, пока не умрем, нас не оставляй»), с профессиональным переводом этой строки Л. Милем «Рей, песня, и от колыбели / Не покидай до гроба нас». По мнению лезгинско-русских билингов, участвовавших в эксперименте, обратный перевод этой строки отличается от первичного профессионального перевода, признанного вполне удачным, более глубокой возвышенно-чувственной тональностью, создаваемой за счет используемой эмоциональной лексики и экспрессивной синтаксической конструкции (инверсии устойчивого оборота *тахьурай чун таз*) и в большей мере совпадающей с оригиналом.

Поясним, что участники нашего эксперимента работали над переводами независимо друг от друга. Большинство испытуемых во избежание эффекта «испорченного телефона» выбрали буквальный перевод, который оказался не особенно эффективным в плане передачи смысла оригинального произведения, как нам кажется, из-за неполного совпадения лексического состава русскоязычного аналога с оригинальным текстом. Отдельные участники преобразовали стихотворную форму в прозу, еще у нескольких получились учебные тексты.

Выводы

В представленном исследовании при помощи лингвистического интервьюирования билингов-профессионалов раскрываются сходства и различия в смысловом восприятии оригинальной и переводной речезыковой нестандартности поэта с учетом порой неизбежных переводческих находок, т.е. удачных отходов от словарных соответствий [4]. Необходимо указать, что подобные «отступления» были логически оправданны и квалифицированы классиком отечественной науки о переводе Яковом Иосифовичем Рецкером как лексические трансформации [9].

Полученные результаты, по нашему мнению, могут представлять некоторый интерес для исследователей в сфере как частного, так и общего переводоведения в его различных аспектах (дидактическом, нормативном, герменевтическом, культурологическом и др.). Они могут служить источником для дальнейших переводческих, литературоведческих и других исследований, а также, очевидно, будут дополнены еще какими-либо, в том числе текстовыми, материалами, ранее не задействованными в подобного рода изысканиях, например такими, где были бы представлены язык СМК, научный, официально-деловой, разговорный стили.

Список литературы

1. *Алексеева И.С.* Сорок сороков языков — и одна страна: перевод как средство коммуникации народов России // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 4. С. 332–346. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-4-332-346>.
2. *Нуриев В.А.* Художественный перевод сквозь призму языкового эксперимента (синтаксический аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2021.
3. *Яковлев А.А., Мельникова М.И.* Об одной тенденции в российских экспериментальных исследованиях перевода // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2019. № 2(33). С. 78–85.
4. *Волкова Т.А.* Переводческий эксперимент и развитие экспериментального переводоведения в российской науке о переводе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2018. Т. 17. № 4. С. 102–116. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.9>.
5. *Чарычанская И.В.* Обратный перевод как инструмент сравнения и анализа текстов оригинала и перевода // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003. № 2. С. 50–58.
6. *Талибов Б.Б., Гаджиев М.М.* Лезгинско-русский словарь / под ред. Р. Гайдарова. Москва: Советская энциклопедия, 1966.
7. *Гаджиев М.М.* Русско-лезгинский словарь / под ред. Г.А. Аликберова. Махачкала: Изд-во Дагестанского филиала АН ССР, 1950.
8. *Сулейманова Ф.Н.* Средства художественного стиля лезгинского и русского языков (на материале переводных текстов): дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2012.
9. *Рецкер Я.И.* О переводческом эксперименте // Тетради переводчика. Вып. 11. Москва: Международные отношения. 1979. С. 31–40.

References

1. Alexeeva, I.S. 2021. "A Multitude of Languages — and One Country: Building up Communication among the Peoples of Russia through Translation". *Polylinguality and Transcultural Practices* 18 (4): 332–346. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-4-332-346> Print. (In Russ.).
2. Nuriev, V.A. 2020. «Hudozhestvennyj perevod skvoz' prizmu yazykovogo eksperimenta (sintaksicheskij aspekt)». Doctoral Thesis. Moscow. 40 p. Print. (In Russ.).
3. Yakovlev, A.A., Mel'nikova, M.I. 2019. «Ob odnoj tendencii v rossijskix e'ksperimental'ny'x issledovaniyax perevoda». *Aktual'ny'e voprosy' sovremennoj filologii i zhurnalistiki* 2(33): 78–85. Print. (In Russ.).
4. Volkova, T.A. 2018. «Perevodcheskij e'ksperiment i razvitie e'ksperimental'nogo perevodovedeniya v rossijskoj nauke o perevode». *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazyk'oznanie* 17(4): 102–116. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.9> Print. (In Russ.).
5. Chary'chanskaya, I.V. 2003. «Obratny'j perevod kak instrument sravneniya i analiza tekstov originala i perevoda». *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya* 2: 50–58. Print. (In Russ.).
6. Talibov, B.B., and M.M. Gadzhiev. 1966. *Lezghin-Russian Dictionary*. 1966. Ed. by R. Gaydarov. Moscow. Print. (In Lezg. In Russ.).
7. Gadzhiev, M.M. 1950. *Russian-Lezghin dictionary*. Ed. by G.A. Alikberov. Makhachkala: Publishing House of the Dagestan branch of the USSR Academy of Sciences. 964 p. Print. (In Russ. In Lezg.).
8. Suleymanova, F.N. 2012. «Sredstva khudozhestvennogo stilya lezghinskogo i russkogo yazykov (na materiale perevodnykh tekstov)». Candidate Thesis. Makhachkala. 172 p. Print (In Russ.).
9. Retsker, Ya.I., 1974. «O perevodcheskom eksperimente». *Tetrady perevodchika*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. Vol. 11 : 31–40. Print (In Russ.).

Сведения об авторах:

Баранникова Татьяна Борисовна — доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка Дагестанского государственного педагогического университета; профессор кафедры английской филологии Дагестанского государственного университета. E-mail: tatyanabarannikova@mail.ru

Сулейманова Фатимат Назимовна — кандидат филологических наук Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра РАН. E-mail: fsulejmanova@mail.ru

Bio Notes:

Tatyana B. Barannikova is a Doctor of Philology, Professor of the Chair of the English Language at the Dagestan State Pedagogical University; Professor of the Chair of the English Philology at the Dagestan State University. E-mail: tatyanabarannikova@mail.ru

Fatimat N. Suleymanova is a Candidate of Philological Sciences of the Institute of Language, Literature and Arts n.a. G. Tsadas, the Dagestan Federal Research Center, Russian Academy of Sciences. E-mail: fsulejmanova@mail.ru